Современная Европа, 2022, № 6, с. 82–97

УДК 327

ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЙ С КИТАЕМ: ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЧЕХИИ

© 2022 ВЕДЕРНИКОВ Михаил Владимирович*
Кандидат исторических наук
Отдел исследований Центральной и Восточной Европы, Институт Европы РАН
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3
***E-mail**: vishma@mail.ru*

Поступила в редакцию 17.05.2022
После доработки 20.08.2022
Принята к публикации 09.09.2022

Аннотация. В статье рассмотрены особенности чешско-китайских отношений. Автор отмечает, что их история не являлась простой и традиционно подвержена особенностям чешской дипломатии, в которой важное место отводится ценностному восприятию внешней политики. Улучшение двусторонних контактов последовало после прихода к власти прагматичных политиков и появления возможностей по привлечению в чешскую экономику дополнительных инвестиций Китая. Усиление его позиций привело к противодействию чешских политиков. В расширении китайского влияния они увидели опасность и стали формировать дискурс о существовании угрозы со стороны Пекина. Ввиду того, что для жителей Чехии Китай казался далеким государством, не вовлеченным во внутреннюю политику страны, китайская угроза стала преподноситься вместе с российской, которая была более осязаема для общественного мнения. К 2022 г. отношения между Китаем и Чехией вернулись к положению, в котором они находились до активизации контактов в 2012 г. В контексте специальной военной операции на Украине автор поднимает вопрос о возможности «отмены» Китая в Чехии. На основе проведенного исследования он полагает, что подобная политика возможна в ограниченных сферах чешско-китайского взаимодействия.

Ключевые слова: Чехия, Китай, двусторонние отношения, внешняя политика, ценностный подход.

DOI: 10.31857/S0201708322060067

EDN: gplfgc

Во втором десятилетии XXI в. Китай обратил внимание на Центральную и Восточную Европу. Продвижение его интересов в этой части Старого Света было вызвано, с одной стороны, стремлением упрочить торгово-экономическое присутствие страны, с другой – глобальным противоборством ведущих игроков (США, ЕС, Россия) по перераспределению мировых ролей в регионе и желанием Пекина закрепиться в нем в статусе одного из лидеров [Шишелина, 2019: 131]. Чехия, будучи одним из основных государств этого региона и видя выгоды от сотрудничества, пошла на сближение с Китаем. Однако подобное движение навстречу было уникальным процессом, поскольку ранее на этапе становления постсоциалистической Чехии и до середины 2000-х гг. местные политики не стремились форсировать отношения с Поднебесной. Долгое время непреодолимым барьером на пути установления конструктивных контактов были вопросы, касающиеся статуса Тибета, Тайваня, обвинения в нарушении прав человека в Китае. В чешском политическом дискурсе можно проследить разное понимание ценностного наполнения политики и несовместимости моделей политического устройства, практикуемых в двух странах. Впрочем, интересы экономики взяли верх, и сотрудничество стало активно развиваться.

В данном контексте представляется актуальным изучить возможность «отмены» Китая в Чехии на фоне событий на Украине и взятой на вооружение чешским истеблишментом политики «отмены» России. До февраля 2022 г. Россия также рассматривалась как партнер, с которым необходимо вести дела по прагматичным соображениям, не соглашаясь с её внутриполитическим курсом. Также важно понять, в какой момент Китай на официальном уровне становится угрозой безопасности. Для того чтобы определить, как будут развиваться отношения Чехии с Китаем, необходимо кратко изучить историю двусторонних отношений.

Важно иметь в виду и влияние импульсов, исходящих из Чехии, по формированию внешней политики ЕС. Особенно сейчас, когда главным фактором при реализации внешнеполитического курса государств коллективного Запада является ценностный принцип в его абсолютном проявлении. С июля 2022 г. Чехия во второй раз в истории заняла место председателя Совета ЕС. У нее появились дополнительные возможности для продвижения своей повестки, как и во время первого председательства, когда Прага дала старт политике соседства ЕС [Шишелина, 2016].

Ценностный подход во внешней политике

Контуры долгосрочного развития современной Чехии обозначились в конце 1980-х – начале 1990-х гг., в момент надлома мировой социалистической системы и в ходе ненасильственных действий местных диссидентов, которые возглавили «бархатную революцию», но были малознакомы с публичной политикой. Они взяли за идейную основу зарождающегося государства гуманистические зарисовки, в которых приоритет отдавался общечеловеческим ценностям, правам и свободам человека. В их нарративе одной из основных была идея «возврата в Европу», что преимущественно обосновывалось не историческими реминисценциями принадлежности к западному обще-

ству (что не могло подвергнуться сомнению), а именно общими для чехов и жителей Западной Европы ценностями, которые нарушались в Советском Союзе. К ним можно отнести либерализм, демократию, модернизацию, вестернизацию культуры, свободный рынок, толерантность, индивидуализм, свободу передвижения, прессы, собраний, манифестаций и др. Отметим, что в то время, начало 1990-х гг. ещё рано было говорить о вступлении в такие структуры, как ЕС и НАТО (первые годы постсоциалистического существования речь шла о нейтральном статусе Чехии), и поэтому стремление вернуться в европейскую цивилизацию выглядело вполне искренним и не преследовало материальной выгоды.

Несмотря на тысячелетнюю историю государства, современная Чехия базируется на фундаменте, заложенном её первым постсоциалистическим президентом В. Гавелом, который был активным сторонником западного образа мышления с опорой на демократические ценности и противником любой формы влияния, исходящей с Востока [Задорожнюк, 2021: 16–28]. По прошествии 30 лет его идеи не исчезли из чешского политического пространства, а наоборот укрепились к 2022 г., что было связано с приходом во власть кабинета П. Фиалы. Характеризуя действия его правительства после начала СВО, можно говорить о зарождении ультра-ценностного подхода во внешней политике Республики. Так, если ранее при Гавеле следование ценностному подходу гарантированно приносило улучшение условий функционирования государства за счёт его примыкания к более эффективной социально-экономической модели хозяйствования и обеспечения безопасности, то теперь издержки такой политики полностью перекладывались на плечи рядовых чехов и не гарантировали каких-либо приобретений в будущем. Несомненно, Чехия была не единственной страной ЕС, которая вступила на путь «подвижнического самопожертвования и смиренной готовности»[1] защищать Украину. Однако в отличие от остальных государств-членов ЕС действия Чехии укладывались в предшествовавший ход развития внешнеполитического курса, хотя и с более радикальным наполнением, и, что более важно, отражали философию чешского истеблишмента.

Официальный внешнеполитический курс Чехии и её приоритеты в последней редакции получили оформление ещё в 2015 г. Не называя государств, составители Стратегии национальной безопасности[2] на первое место среди угроз вынесли деятельность «некоторых стран», подразумевая прежде всего Россию и Китай, которые, как говорилось в документе, планировали провести ревизию международного правопорядка и стремились установить «своё влияние путём дестабилизации соседних стран и использования местных конфликтов и споров» [Щербакова, 2015: 116]. Отказ напрямую обозначить субъекты международной политики, представляющие угрозу для Чехии, был обоснован тем, что в Концепции внешней политики, вышедшей параллельно с упомянутой Стратегией, перспективы чешско-китайских отношений были оценены на высо-

[1] Чтобы Балканы не испытывали чрезмерной грусти… Россия в глобальной политике. 23.06.2022. URL: https://t.me/ru_global/20219 (дата обращения: 18.07.2022)

[2] Bezpečnostní strategie České republiky. Ministerstvo zahraničních věcí České republiky. 2015. URL: http://www.mzv.cz/file/1386521/Bezpecnostni_strategie_2015.pdf (дата обращения: 18.07.2022)

ком уровне ввиду наличия пространства для развития взаимовыгодных экономических контактов. Что касается России, то в документе напрямую сказано о её деятельности по «дестабилизации архитектуры европейской безопасности»[1]. Необходимо отметить, что ещё за 15 лет до этого В. Гавел, говоря об опасностях, подстерегающих чешскую идентичность, называл угрозы со стороны «шовинистических, пан-российских, крипто-коммунистических и крипто-тоталитарных сил» [Задорожнюк, 2021: 26], подразумевая государства на востоке.

В официальном дискурсе китайско-российский тандем открыто начал фигурировать в качестве угрозы после прихода к власти кабинета П. Фиалы в 2021 г. Первым реальным примером «отмены» двух государств из-за ценностных вопросов стало решение чешского парламента о внесении изменений в национальное законодательство, которые не допускали российские и китайские организации до участия в конкурсе по достройке дополнительных энергоблоков АЭС «Дукованы»[2]. Такой шаг чехи объясняли тем, что проект, рассчитанный более чем на 10 лет, привел бы к усилению российского или китайского присутствия в чешской экономике и ослаблению местной энергобезопасности. Противники этого решения отмечали, что недопуск иностранных компаний до тендера в первую очередь негативно сказывался на чешских гражданах, поскольку в ситуации ограниченного выбора чешским властям приходилось выбирать из претендентов, которые изначально выставляли за реализацию проекта более высокую стоимость, чем, например, российский «Росатом».

Министр иностранных дел Чехии Я. Липавский открыто делал заявления о «совместных амбициях Китая и России по формированию мирового порядка», считая, что «эти агрессивные авторитарные силы действуют без стеснения и используют любые средства для достижения своих стратегических целей»[3]. Таким образом, можно констатировать, что к 2022 г. Россия и Китай в равной степени были причислены Прагой к экзистенциональным угрозам для Чехии. Можно ожидать, что Пекин также подвергнется «отмене», как это произошло с Россией.

В условиях специальной военной операции на Украине внимание чехов к Китаю объективно было ослаблено и смещено в сторону России. Однако по прошествии времени и адаптации к «новой системе координат мировой политики» [Лукьянов, 2022: 5] стало очевидно, что старые угрозы в понимании чехов остались прежними. Если в отношении России Чехия на внешнеполитической арене одобрительно реаги-

---

[1] Koncepce zahraniční politiky ČR. Ministerstvo zahraničních věcí České republiky. 2015. URL: https://www.mzv.cz/jnp/cz/zahranicni_vztahy/analyzy_a_koncepce/koncepce_zahranicni_politiky_cr.html#:~:text=Koncepce%20zahrani%C4%8Dn%C3%AD%20politiky%20%C4%8CR%20definuje,a%20dobr%C3%A9%20jm%C3%A9no%20%C4%8Cesk%C3%A9%20republiky. (дата обращения: 18.07.2022)

[2] Prezident podepsal Lex Dukovany. Zákon vyloučí z tendru Rusko a Čínu. Seznam.cz. 27.09.2021. URL: https://www.seznamzpravy.cz/clanek/prezident-podepsal-lex-dukovanyzakon-vylouci-z-tendru-rusko-a-cinu-175662 (дата обращения: 18.07.2022)

[3] Projev ministra Lipavského na konferenci Naše bezpečnost není samozřejmost. MZV ČR. 10.03.2022. URL: https://www.mzv.cz/jnp/cz/o_ministerstvu/archivy/clanky_a_projevy_ministru/clanky_a_projevy_ministra/projev_ministra_lipavskeho_na_konferenci.html (дата обращения: 18.07.2022)

ровала на санкционные инициативы Брюсселя, то в отношении Китая Прага была более сдержанна. В первой половине 2022 г. её позицию можно было трактовать двояко; заявления политиков и мнения экспертов были зачастую противоположны. Учитывая игру на опережение со странами[1], которые Чехия воспринимала в качестве угрозы, необходимо проанализировать динамику чешско-китайских отношений.

Чешско-китайские отношения (1993–2022 гг.)

Двусторонние отношения Чехии и Китая за последние почти 30 лет нельзя назвать однородными. Скорее, можно говорить о том, что периоды полного игнорирования сменялись ростом интереса. Чешский синолог И. Караскова описывает их с помощью синусоиды: за периодом долгого отсутствия заинтересованности следует всплеск взаимного обожания, который впоследствии сменяется охлаждением отношений [Karásková et al., 2020: 16]. Несмотря на то что дипломатические контакты были установлены сразу же после появления самостоятельной Чехии в январе 1993 г., вплоть до 2005 г. связи между государствами не были активными, и стороны практически не стремились искать точки соприкосновения для возможного сотрудничества. До 2004 г. было заключено несколько соглашений о торговом и таможенном сотрудничестве; состоялось несколько визитов делегаций на уровне министров, заместителей министров разных ведомств. Торгово-экономическая деятельность велась по выработанным каналам ещё в социалистической Чехословакии (в Китай поставлялись машины, оборудование для электростанций)[2]. Хотя Пекин и стремился активизировать контакты через культурную дипломатию[3], в это время заметно демонстративное нежелание Праги сближаться с Китаем. Прежде всего, это можно объяснить магистральным движением Чехии в ЕС и НАТО и отказом от проведения многовекторной политики[4]. Преградой на пути усиления взаимодействия с Китаем стала фигура президента В. Гавела, который продвигал ценностный подход в политике. Будучи

[1] Здесь автор имеет в виду игру на опережение в отношении России. В Чехии ещё в 2021 г. пунктирно начали обозначаться шаги по вытеснению России из местного политико-экономического пространства за счёт сокращения дипломатического представительства, недопуска российских предприятий на чешский рынок, отказа от сотрудничества с крупными игроками российского энергосектора. Ещё ранее началось искоренение памятных мест, которые символизировали решающий вклад Советского Союза в освобождение Чехословакии от нацизма. Так был демонтирован монумент, воздвигнутый в честь маршала И. Конева, и памятная доска.

[2] 中国同捷克的关系. Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679282/sbgx_679286/ (дата обращения: 18.07.2022)

[3] В 1995 г. заместитель министра культуры Китая Чен Чанбен посетил Чешскую Республику, где провел переговоры и подписал план культурного сотрудничества между странами. Ранее, в январе 1994 г., китайская сторона провела выставку тибетского искусства в Чехии. В мае 1997 г. прошла неделя китайского кино.

[4] В 1999 г. Словакии отказались в членстве в НАТО частично из-за того, что она проводила многовекторную политику.

противником коммунизма, он говорил: «Существует не только центрально- или восточноевропейская форма коммунизма, но и азиатская, представленная прежде всего китайским режимом. При всем уважении к чехословацким жертвам, я считаю, что мы не знаем всей глубины страданий, принесенных людям китайской культурной революцией»[1]. Особое значение Гавел отводил вопросам, связанным с Тибетом и Тайванем, независимость которых как частное лицо признавал. Так, в первый год своего президентства он первым среди лидеров демократических государств встретился с Далай-ламой XIV, несмотря на возражения китайского посла, и в дальнейшем поддерживал с ним активные контакты [Жантовский, 2021: 398][2].

В этой связи неудивительно, что уход Гавела с поста президента в 2003 г. предоставил определенные возможности прагматично мыслящим политикам для поиска потенциальных сфер сотрудничества между государствами. Вдобавок в 2003 г. ЕС и Китай провозгласили начало всеобъемлющего стратегического партнерства [Носов, 2018: 5]. В апреле 2004 г. было подписано Соглашение об экономическом сотрудничестве между странами, а в декабре 2005 г. Вэнь Цзябао, премьер Госсовета КНР, посетил Чехию с официальным визитом, что стало первым подобным событием с участием столь высокопоставленного политика из Китая с момента установления дипломатических отношений. Впоследствии Й. Пароубек, на тот момент премьер-министр Чехии, отмечал, что по итогам переговоров, помимо соглашения о деловом сотрудничестве на общую сумму около 470 млн долл., была достигнута договоренность о подписании соглашения о стратегическом партнерстве[3]. Однако перестановки в правительстве в 2006 г. не позволили реализовать этот план, поскольку один из коалиционных партнеров – партия «Зеленые» – инициировала создание парламентской группы дружбы с Тибетом. Позднее министр иностранных дел К. Шварценберг открыто призвал бойкотировать Олимпийские игры 2008 г. в Пекине, сравнив их с играми, устроенными А. Гитлером в Берлине в 1936 г. Премьер-министр М. Тополанек посетил игры только как частное лицо исходя из общей политики, согласованной кабмином Чехии.

Несмотря на заметные сложности, в мае 2009 г. Вэнь Цзябао повторно посетил Прагу и встретился с президентом В. Клаусом и премьером Я. Фишером в ходе саммита «Китай – ЕС», проводимого под эгидой чешского председательства в Совете ЕС. Как итог, в августе Чехия и Китай подписали соглашение об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов. Примечательно, что этот саммит должен был состояться ранее, в декабре 2008 г., однако китайская сторона отозвала свое участие, поскольку французский президент Н. Саркози встретился с Далай-ламой. Впрочем, небольшой прогресс в чешско-китайских отношениях не заставил чеш-

---

[1] Václav Havel a jeho vztah k Číně. Epoch Times. 20.12.2011. URL: https://archiv.epochtimes.cz/2011122018719/Vaclav-Havel-a-jeho-vztah-k-Cine-Tibet-Olympiada-2008-OSN-Falun-Gong.html (дата обращения: 18.07.2022)

[2] Последняя встреча между Далай-ламой и Гавелом произошла 10 декабря за неделю до смерти последнего.

[3] Jiří Paroubek: Strategické partnerství s Čínou. Parlamentní listy. 01.03.2016. URL: https://www.parlamentnilisty.cz/politika/politici-volicum/Jiri-Paroubek-Strategicke-partnerstvi-s-Cinou-424118 (дата обращения: 18.07.2022)

ских политиков соблюдать «красные линии» во взаимоотношениях с Пекином. Уже в сентябре Я. Фишер встретился с Далай-ламой, что вызвало резкую критику со стороны Китая и привело к заморозке контактов[1]. В результате главе чешского правительства пришлось отменить свой запланированный визит на выставку EXPO в Шанхае в 2010 г., поскольку, как сообщалось, ни один высокопоставленный китайский чиновник не захотел с ним встречаться.

В период с 2010 по 2012 гг. можно отметить несколько встреч на высоком уровне между Вэнь Цзябао, который стал основным контактёром китайской стороны, и с чешскими коллегами. Зарубежные исследователи отмечают, что к этому времени представители Пекина пришли к осознанию необходимости проведения переговоров с чешским президентом и важности выстраивания доверительных отношений с ним и его окружением. Во-первых, постоянные смены правительств (с 1993 г. было 9 кабминов) вносили неожиданные коррективы в уже достигнутые договоренности; во-вторых, президентская должность не подразумевала внезапного смещения или отставки в результате внутриполитического кризиса; в-третьих, чешский президент в парламентской демократии не рассматривался как политик, который оказывал существенное влияние на формирование внешней политики государства, однако, в действительности, обладал широким набором рычагов для продвижения своих интересов [Pepermans, 2018]. Несмотря на охлаждение отношений, в октябре 2010 г. Вэнь Цзябао провел дружескую беседу с президентом Чехии В. Клаусом во время восьмого саммита «Азия – Европа» в Брюсселе. Спустя два года на аналогичном мероприятии они контактировали во Вьентьяне (Лаос).

Знаковым событием в чешско-китайских отношениях стал 2012 г., когда Пекин пригласил Прагу участвовать в инициативе «16+1» – инфраструктурном проекте, нацеленном на привлечение инвестиций в страны Центральной и Восточной Европы, «создание совместных экономических структур» [Цвык, Сорокина, 2019: 20]. Предложение со стороны Пекина прозвучало в то время, когда в Чехии началось переосмысление подходов к Поднебесной, что было связано с приходом нового поколения политиков. За два месяца до этого премьер-министр П. Нечас, непричастный к ухудшению отношений в 2009 г., высказался о необходимости пересмотра отношения Чехии к Китаю. Он считал, что «далай-лаймизм» с акцентом на защиту прав человека, характеризующий политику страны в предшествовавшие 20 лет, был показным и вредным для продвижения интересов государства [Karásková et al., 2020: 17]. Эту идею активно поддержал новый президент М. Земан, который вступил в должность в начале 2013 г. Именно при нем отношения Чехии с Китаем вышли на новый уровень, что дало повод его политическим противникам говорить о нем как о проводнике китайских интересов.

С 2013 г. количество официальных встреч и заключенных соглашений начинает поступательно увеличиваться. В 2013 г. прошли переговоры нового премьера Госсовета Ли Кэцяна и замминистра иностранных дел Сон Тао с их чешскими коллегами.

[1] Dalajlama se v Praze setkal s Havlem a Fischerem. 11.09.2009. URL: https://www.tyden.cz/rubriky/domaci/dalajlama-se-v-praze-setkal-s-havlem-a-fischerem_138341.html (дата обращения: 18.07.2022)

В 2014 г. состоялись контакты на уровне лидеров: председатель КНР Си Цзиньпин провел двустороннюю встречу с президентом М. Земаном во время зимних Олимпийских игр в Сочи. В этом году Прагу также посетили вице-премьер КНР Чжан Гаоли, премьер Госсовета Ли Кэцян и вице-председатель ВК НПКСК (Всекитайский комитет Народного политического консультативного совета Китая) Ван Цзяжуй. В октябре 2014 г. страны подписали Меморандум о сотрудничестве в области гражданской ядерной энергетики и Соглашение о межбанковском сотрудничестве по привлечению инвестиций между китайскими и чешскими предприятиями. Уже в мае 2015 г. состоялась повторная встреча Си Цзиньпина и М. Земана в Москве во время мероприятий по празднованию 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. Важным событием стало подписание в ноябре 2015 г. Меморандума о взаимопонимании по вопросам сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс – Один путь»[1]. Пиковым событием в чешско-китайских отношениях, которое дало экспертом возможность говорить о «медовом месяце» между странами, стал ответный визит Си Цзиньпина в Прагу в 2016 г. в качестве благодарности за приезд президента М. Земана в Пекин в честь окончания Второй мировой войны в Азии. Итогом стало подписание договора о стратегическом партнерстве, к которому прилагались 23 дополнительных протокола, посвященных инвестициям на сумму около 12 млрд евро. Важным пунктом стало оформление соглашения о строительстве сверхдорогого проекта «Дунай – Одер – Эльба», инициированное чешской стороной.

Достигнув пика в марте 2016 г., чешско-китайские отношения, следуя своей синусоидной траектории, начали постепенно затухать [Karásková et al., 2020: 16]. С одной стороны, это можно объяснить общим сокращением с 2016 г. китайских инвестиций в ЕС. Чешская сторона была разочарована неисполнением Китаем своих инвестиционных обещаний. Так, если в 2016 г. в страны ЕС было направлено 37,3 млрд евро, то к 2019 г. этот показатель упал до 11,7 млрд евро [Kratz et al., 2020: 9]. С другой – внутри Чехии начали набирать обороты антикитайские настроения, вызванные предположениями о злоупотреблениях Пекина на территории страны. Возросли опасения, что Китай занимается покупкой ценных чешских активов и тем самым подрывает суверенитет государства. Смену настроений, которая стала очевидна к концу 2017 г., можно связать с победой на выборах политического движения «Акция недовольных граждан» (АНГ) под руководством А. Бабиша. Будучи прагматичным политиком, он не отказывался от сотрудничества с Пекином напрямую; но в то же время не шел на сближение с ним, отдал первенство в этом вопросе президенту Земану и не препятствуя набиравшей обороты деятельности его коллег по противодействию Китаю.

Вдобавок в 2018 г. раскрылись проблемы CEFC Europe, центральной китайской инвестиционной компании на территории Чехии, которая не смогла погасить долг в размере около 450 млн евро перед *J&T Private Investments*, принадлежащей словацко-чешской финансовой группе *J&T*. Более того, её руководитель Е Цзяньмин, который ранее был назначен на должность почетного советника президента М. Земана, был аре-

[1] Belt and Road Cooperation. MZV ČR. URL: https://www.mzv.cz/beijing/en/political_affairs/bilateral_relations/belt_and_road_cooperation/index.html (дата обращения: 18.07.2022)

стован в Китае по обвинению в коррупции и растрате средств [Dębiec, Jakóbowski, 2018; Garlick, 2019]. Событие, несомненно, бросило тень на весь китайский бизнес в Чехии. Далее, в 2018 г. Национальное государственное бюро по информационной кибербезопасности Чехии предупредило о ненадежности применения технологии 5G, которую Китай активно продвигал в Европе. В документе говорилось, что компании ZTE и Huawei, победители нескольких чешских тендеров, были уличены в деятельности, связанной со шпионажем и похищением личных данных своих пользователей[1].

Ухудшение двусторонних отношений привело к тому, что в 2018 г. новый посол КНР в Чехии Чжан Цзимин стал проводить весьма жёсткий политический курс, критикуя чешских политиков и журналистов за их позицию в отношении Тайваня, Гонконга и китайских телекоммуникационных компаний. Показательным событием стало проявление неуважительного отношения в сентябре 2019 г. к чешскому послу в КНР В. Томшику, который попросил своих китайских коллег о встрече на высоком уровне. Ему сначала было отказано в этом праве, а впоследствии с ним встретился сотрудник китайского МИД с невысоким дипломатическим статусом. Событием, подтвердившим наметившуюся тенденцию, стал инцидент в январе 2020 г. с председателем чешского Сената Я. Куберой. Он планировал совершить официальный визит на Тайвань, однако его намерение было публично подвергнуто жёсткой критике как со стороны китайских представителей, так и М. Земана, который заявил, что такая поездка нанесет значительный ущерб экономическим интересам Чехии. Неожиданно за несколько дней до полета Я. Кубера скончался, и визит был отменен. После его смерти вскрылся факт, что накануне вылета он получил письмо с угрозами от китайского посольства. В личном сообщении говорилось о том, что в случае посещения Тайваня, крупные чешские компании – *Skoda Auto* и *Home Credit Group* – испытают существенные трудности.

Символическим событием, которое обозначило отдаление двух стран друг друга, стала приостановка прямых перелетов между двумя столицами в марте 2020 г. Эксперты отмечали, что, будучи экономически невыгодным, авиасообщение между Китаем и Чехией осуществлялось в качестве жеста доброй воли со стороны Пекина, который его субсидировал. Отказ от финансирования в свою очередь ознаменовал отход от «политики пряника».

Выраженным проявлением доминирования ценностного подхода над прагматичным стал визит на Тайвань нового председателя Сената М. Выстрчила в августе 2020 г., который состоялся, несмотря на вновь повторенные предостережения как со стороны чешского, так и китайского МИД. Министр иностранных дел КНР Вань И подчеркнул, что чешские политики своими действиями пересекли «красную линию». В ходе поездки Выстрчил выступил в тайваньском парламенте, став первым чешским политиком, который выразил поддержку местным настроениям в отношении КНР на официальном уровне, встретился с тайваньским президентом Цай Инвэнь. Политик объяснял свою решимость следующим образом: «Или мы будем придерживаться

[1] Software i hardware společností Huawei a ZTE je bezpečnostní hrozbou. NCKB. URL: https://www.govcert.cz/cs/informacni-servis/hrozby/2680-software-i-hardware-spolecnosti-huawei-a-zte-je-bezpecnostni-hrozbou/ (дата обращения: 18.07.2022)

своих ценностей или будем считать копейки. Своей поездкой на Тайвань я демонстрирую приверженность нашим принципам и перестаю считать гроши, потому что однажды мы можем обнаружить, что у нас их попросту нет»[1].

Внимание к Чехии встраивалось в общую логику китайской внешней политики, которая базировалась на идее «общего будущего человечества» и на «концепции многостороннего многоуровневого сотрудничества в экономической, политической и гуманитарной сферах, а также в области безопасности, реализуемую как на двустороннем межгосударственном, так и на региональном, межрегиональном и глобальном уровнях» [Семенов, Цвык, 2019: 79]. Интерес к Центральной и Восточной Европе, где помимо Чехии к инициативе строительства Экономического пояса Шелкового пути присоединились в 2015 г. ещё пять государств (Болгария, Венгрия, Польша, Сербия и Словакия), обоснован несколькими причинами. Во-первых, страны ЦВЕ «рассматривались как удобный канал торгово-инвестиционной экспансии Китая на едином экономическом пространстве ЕС», во-вторых, как «инструмент создания благоприятного отношения к китайским инициативам в институтах ЕС» [Китай и Восточная Европа…, 2016: 17], в-третьих, как стратегически важный с позиции ускорения транспортно-логистических потоков регион ввиду наличия инфраструктурных объектов и возможности их строительства и модернизации в ближайшей перспективе. Чехия для Китая привлекательна своим центральным географическим положением в Европе, развитой системой железнодорожных и автомобильных дорог, хорошей обеспеченностью электроэнергией (она являлась вторым по объему её экспортером в Европе)[2]. Среди промышленных товаров, производимых в стране, выделялись автомобильная продукция, станки, оборудование для электростанций, защиты окружающей среды и текстильной промышленности, оптические приборы, фармацевтические препараты[3].

Что касается общего объема инвестиций, которые получила Прага до 2020 г. (в допандемийный период), то мнения экспертов разнятся. Проблемой является поиск достоверных статистических данных по данному вопросу. Так, национальные правительства склонны предлагать завышенную картину присутствия Китая, и Чехия здесь не является исключением. Государственная статистика, помимо не реализованных инвестиционных планов, также включает в свои отчеты инфраструктурные проекты, предложенные китайскими подрядчиками, расходы на реализацию которых несет само государство. Проекты, реализуемые за счет китайских кредитов, не подпадают под категорию прямых иностранных инвестиций (ПИИ), а, скорее, являются инвестициями, сделанными принимающей стороной и просто финансируемыми за счет займа,

[1] Byl jsem svědkem bezmoci mocných, prohlásil Vystrčil. Na Tchaj-wan pojede. 09.6.2020. Deník. URL: https://www.denik.cz/z_domova/tchaj-wan-senat-milos-vystrcil-cina-20200609.html (дата обращения: 18.07.2022)

[2] The Czech Republic: A Belt and Road Link in CEE. HKTDC. 14.07.2017. URL: https://research.hktdc.com/en/article/MzgyOTg2NjAx (дата обращения: 18.07.2022)

[3] 中国居民赴捷克共和国 投资税收指南. URL: http://www.chinatax.gov.cn/chinatax/n810219/n810744/n1671176/n1671206/c2582066/5116200/files/bf3e5be8788e48c0851cc293c25b14d5.pdf (дата обращения: 18.07.2022)

который поступает из Китая[1]. В этой связи неудивительно, что И. Караскова, например, приводит данные о китайских ПИИ в 8,2 млрд евро, размер которых был подсчитан ею на основе правительственных данных [Karásková et al., 2020: 17–18]. Китайское посольство в Праге дает другую цифру – около 2 млрд евро; Чешский центральный банк – около 700 млн евро. Чехия не сумела заполучить средства для постройки важных инфраструктурных объектов [Болгова, Мельникова, Лисякевич, 2022: 84]. В регионе ЦВЕ самый высокий уровень китайского присутствия у Сербии (9,7 млрд евро), за ней следуют Венгрия (5,4 млрд евро), Румыния (2,8 млрд евро), Польша (2,7 млрд евро), Босния и Герцеговина (1,9 млрд евро)[2]. Данные, представленные чешским правительством, существенно преувеличивают фактический вес китайского капитала в стране. Встречающаяся в литературе цифра в 254 млн кажется наиболее достоверной, хотя и вряд ли точной ввиду сокрытия стоимости некоторых чешско-китайских сделок.

Позиции Китая по накопленным ПИИ в странах Центральной и Восточной Европы скромны и составляли в период 2018–2019 гг. всего лишь 2–3% от их общего объема, размещенного в странах-участницах ЕС. В год наибольшего внимания Китая к региону (2016 г.) эта цифра не превышала 5% [Kratz et al., 2020: 10]. Китайские инвестиции играют более важную роль в странах Западной Европы, чем в любом из государств-участников инициативы «16 + 1». В то же время Германия, Япония, Южная Корея и в меньшей степени США по-прежнему являются наиболее важными инвесторами в Чехии[3]. Так, доля накопленных китайских ПИИ в Чехии от их общего объема составляла лишь 1% [Болгова, Мельникова, Лисякевич, 2022: 84].

К 2022 г. чешско-китайские отношения лишились особого статуса, который они получили благодаря активности президента Земана в период 2015–2017 гг. На охлаждение отношений повлияло множество факторов: ослабление заинтересованности китайских коллег в Чехии и позиций Земана из-за его проблем со здоровьем, смерть одного из инициаторов сближения с Китаем чешского предпринимателя П. Келлнера, пандемия[4], противодействие либеральных политиков, видящих в Пекине угрозу национальной безопасности, усиление ценностной риторики в чешском политическом дискурсе, визит председателя Сената М. Выстрчила на Тайвань и, в свою очередь, рост атлантических настроений в истеблишменте в связи с ростом китайско-американского антагонизма при администрациях Д. Трампа и Дж. Байдена.

---

[1] Chinese Investment in Central and Eastern Europe Data Set. CEECAS. Budapest. April 2021. URL: https://www.china-cee-investment.org/_files/ugd/72d38a_373928ea28c44c7f9c875ead7fc49c44.pdf (дата обращения: 18.07.2022)

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] На официальном сайте правительства долгое время пандемия определялась как «китайская».

Китай как угроза

На основе данных о китайских инвестициях можно констатировать, что за время активного чешско-китайского взаимодействия Пекин приобрел незначительное количество чешских активов. Между тем развивалась идея о китайской угрозе. Традиционно для Чехии было свойственно существование двух политико-исторических идеологем об опасностях, исходящих со стороны других народов. Прежде всего, речь шла о немецкой угрозе, которую удалось нивелировать после Второй мировой войны, и идея угрозы со стороны СССР/России, которая появилась после ввода войск ОВД в 1968 г. и укрепилась после старта украинского кризиса 2014 г. У Китая отсутствовала история «конфликтного соседства». Что касается гавеловской риторики, то, несмотря на её антикитайское наполнение, едва ли можно говорить о секьюритизации китайского вопроса.

Эволюцию образа Китая как угрозы в чешских официальных структурах можно проследить на основе публичных докладов чешской Службы безопасности и информации (СБИ), структуры, на которую возложена обязанность по проведению контрразведывательных мероприятий и охране конституционного строя. Например, в документе 2004 г. наибольшее беспокойство вызывали граждане КНР, нелегально пересекающие границу Чехии и проживающие на ее территории без законного основания [Annual Report of the Security…, 2004]. Вплоть до 2010 г. можно констатировать, что чешская спецслужба, хотя и фиксировала со стороны Китая случаи киберпреступлений, содействия в реэкспорте вооружений в КНДР, но не указывала на прямое воздействие этих действий на национальную безопасность. В 2010 г. впервые упомянуто о наличии в штате дипмиссии Поднебесной сотрудников разведки, работающих под прикрытием, им было предъявлено обвинение в экономическом и научно-техническом шпионаже [Annual Report of the Security…, 2010]. В соответствующем докладе подчеркивалось, что в своей деятельности китайские агенты ориентировались на журналистов, членов парламентских политических партий, государственных служащих, лоббистов, активистов и представителей неправительственных организаций. В 2013 г. впервые упомянуто китайские технологические гиганты *Huawei* и *ZTE* и их связи с правительством КНР [Annual Report of the Security…, 2013]. Перерыв в освещении китайской проблемы пришелся на 2014 г. ввиду смещения внимания на Россию и Украину. В 2015 г. чешская спецслужба заявила, что КНР стала «самой серьезной угрозой для Чехии» в области кибершпионажа [Annual Report of the Security…, 2015]. Активизация китайской подрывной деятельности была отмечена на фоне интенсификации политических контактов. В 2016 г. чешские эксперты говорили об увеличении «количества, агрессивности и интенсивности китайских операций против чешских интересов», которые проходили по следующим направлениям: 1) подрыв единой политики ЕС через чешские структуры, 2) разведывательная деятельность, направленная на чешские силовые министерства, 3) экономический, научный и технический шпионаж. По мнению сотрудников СБИ, приоритет Китая – использование данных разведки в интересах его внутренней и внешней политики. Новым стал тезис о работе китайцев с российскими спецслужбами [Annual Report of the Security…, 2016].

В 2018 г. изменилось восприятие Китая, который был открыто обозначен как «угроза интересам и безопасности Чешской Республики». Чехи считали, что КНР хотел создать глобальное «синоцентричное» сообщество с целью заставить другие страны признать законность китайских притязаний и интересов [Annual Report of the Security…, 2018].

Как и в прошлые годы, китайские агенты выдавали себя за дипломатов, журналистов или ученых. Они использовали современные методы разведывательной работы (например, социальные сети) и сосредоточились на ряде определенных областей, воспользовавшись тем фактом, что чешские предприятия относились доброжелательно к китайским инвесторам. В сферу их интересов входили технологический и военный сектора экономики, органы безопасности, инфраструктурные проекты, область здравоохранения и окружающая среда. Китайцы стремились найти способы повлиять на чешское общественное мнение, и представить положительный образ КНР через чешские СМИ. Эти материалы могли произвести впечатление также и на китайских читателей, поскольку их презентовали как мнение основных чешских СМИ или даже как позицию всего населения Чехии. Неудивительно, что представители СБИ считали, что некоторые чешские СМИ стали инструментом китайских спецслужб и проецировали китайский взгляд на современные политические процессы. Особый интерес спецслужбы КНР проявляли к чешским академическим кругам. Растущее сотрудничество между китайскими и чешскими университетами включало создание новых программ по обмену студентами и исследователями, формирование совместных научных центров, сотрудничество в области исследований и разработок и т.д. Чешские ученые получили многочисленные приглашения на семинары и конференции в КНР, которые были оплачены китайской стороной.

С 2004 г., когда Чехия вступила в ЕС, и до 2020 г. образ Китая подвергся существенному изменению. Если поначалу Поднебесную воспринимали как источник нелегальных иммигрантов, то к началу 20-х гг. XXI в. как угрозу национальной безопасности. В ходе интенсификации чешско-китайского сотрудничества алармистские настроения в СБИ только нарастали, что усилило антикитайскую риторику. Впрочем, на тот момент экономические соображения одержали верх. По мере накопления трудностей в реализации намеченных планов, опасения спецслужбы стали звучать все убедительнее.

* * *

История взаимоотношений Чехии с Китаем при отсутствии историко-культурного родства основана исключительно на прагматичном расчете. Когда под воздействием политических и экономических факторов стало очевидно, что приток инвестиций из Китая не может удовлетворить Чехию, чешские политики, ранее закрывавшие глаза на ущемление прав человека, начали критиковать Пекин. Уход из политики М. Земана – проводника китайских интересов – в 2023 г. приведет к дальнейшему ослаблению связей на высшем уровне. Что касается «отмены» Китая, то она вполне возможна на некоторых направлениях, по примеру исключения из дукованского тендера. Так, уже после начала СВО в Чехии раздались голоса о необходимо-

сти выхода из формата «16+1»[1]. Учитывая незначительное присутствие китайского капитала в Чехии в сравнении с иными государствами, такой демонстративный шаг не затронет чешскую экономику, однако даст громкий сигнал вовне о приверженности страны ценностному курсу. Образ китайской угрозы конструировался на разных уровнях – от СМИ до спецслужб. Для придания значимости опасности, которая была не очевидна для рядовых чехов, китайская угроза была объединена с российской, которая представлялась более наглядной и реальной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Болгова И., Мельникова Ю., Лисякевич Р. (2022) Формирование китайского направления политики ЕС: роль стран Центральной и Восточной Европы. *Мировая экономика и международные отношения*. № 6 (66). С. 79–90. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-79-90

Задорожнюк Э. (2021) Вацлав Гавел: контуры изменчивого мировоззрения. (К 85-летию со дня рождения). *Славяноведение.* № 1. С. 16–28. DOI: 10.31857/S0869544X0012782-3.

Китай и Восточная Европа: звенья нового Шелкового пути. (2016) ИМЭМО, Москва, Россия. 70 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0485-0. EDN ZSZXXF.

Лукьянов Ф. (2022) Неожиданный индикатор перемен. *Россия в глобальной политике.* № 4 (20). С. 5–8.

Носов М. (2018) ЕС и Китай: торговля или стратегия. *Современная Европа.* № 6 (85). С. 5–18. DOI: 10.15211/soveurope620180517.

Семенов, А., Цвык А. (2019) Концепция «общего будущего человечества» во внешнеполитической стратегии Китая. *Мировая экономика и международные отношения.* № 8 (63). С. 72–81. DOI 10.20542/0131-2227-2019-63-8-72-81.

Цвык А., Сорокина И. (2019) Политика КНР в странах Центральной и Восточной Европы. *Проблемы Дальнего Востока.* № 4. С. 18–31. DOI 10.31857/S013128120006092-2

Шишелина Л. (2016) Четыре председательства в Совете ЕС и формирование внешней политики Вишеградской группы. *Современная Европа*. № 6. С. 20–31. DOI: 10.15211/soveurope620162031

Шишелина Л. (2019) Центральная Европа в стратегии Китая. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. № 2. С. 131–137. DOI: 10.15211/vestnikieran22019131137

Щербакова Ю. (2015) Проблемы европейской безопасности: взгляд из Праги. *Современная Европа.* № 6. С. 114–121. DOI: 10.15211/soveurope62015114121

Garlick J. (2019) China's principal–agent problem in the Czech Republic: the curious case of CEFC. *Asia Europe Journal*. No. 17. Pp. 437–451. DOI: 10.1007/s10308-019-00565-z

Karásková I., Bachulaska A., Kelemen B., Matura T., Šebok F., Šimalčík M. (2020*) China's Sticks and Carrots in Central Europe: The Logic and Power of Chinese Influence*. Association for International Affairs (AMO), Prague, Czech Republic. 97 p.

[1] За время существования инициативы количество её участников не было постоянным. Так, в апреле 2019 г. к формату присоединилась Греция (формат получил название «17+1»). В декабре 2021 г. Литва покинула объединение, в августе 2022 г. – Эстония и Латвия последовали примеру балтийского соседа. Таким образом инициатива стала обозначаться как «14+1». Czech Republic eyes exit from China's 16+1 investment club. Al Jazeera. 08.06.2022. URL: https://www.aljazeera.com/features/2022/6/8/czech-republic-eyes-exit-from-chinas-161-investment-club (дата обращения: 18.07.2022)

Kratz A., Huotari M., Hanemann T., Arcesati R. (2019) *Chinese FDI in Europe: 2019. Update*. A report by Rhodium Group (RHG) and the Mercator Institute for China Studies (MERICS). Mercator Institute for China Studies, Berlin, Germany. 23 p.

Dębiec K., Jakóbowski J. (2018) Chinese investments in the Czech Republic: changing the expansion model. *Centre for Eastern Studies (OSW)*. 06.06. URL: https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2018-06-06/chinese-investments-czech-republic-changing-expansion-model-0 (accessed: 18.07.2022)

Pepermans A. (2018) China's 16+1 and Belt and Road Initiative in Central and Eastern Europe: economic and political influence at a cheap price. *Journal of Contemporary Central and Eastern Europ*e. Vol. 26. Issue. 2-3. Pp. 181–203. DOI: 10.1080/25739638.2018.1515862

Dynamics of Relations with China: Value Approach in the Czech Foreign Policy

M.V. Vedernikov*

Candidate of Sciences (History)

Department of Central and Eastern European Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009

***E-mail:** *vishma@mail.ru*

Abstract. The article analyses particularities of Czech-Chinese relations. The author underlines the fact that their history has not been an easy one, and has traditionally been influenced by the features of Czech diplomacy which places an important role on values approach to foreign policy. As the article points out, the improvement of bilateral relations followed the introduction of pragmatic politicians into Czech politics and the emergence of opportunities to attract additional Chinese investments into the Czech economy. In turn, the strengthening of China's position caused the opposition of politicians who saw this as a threat from Beijing. Since China seemed like a distant country not involved into the domestic politics of Czech Republic to its lay citizens, the Chinese threat was being presented alongside the more palpable Russian threat. By 2022, relations between the Czech Republic and China have deteriorated back to their level in 2012, before the intensification of contacts. The author raises a question of possibility of China being "cancelled" in the Czech Republic against the backdrop of special military operation in Ukraine. Based on the conducted research, the author believes that such policy is possible in limited spheres of the Czech-Chinese cooperation.

Key words: Czech Republic, China, bilateral relations, foreign policy, value approach.

DOI: 10.31857/S0201708322060067

EDN: gplfgc

REFERENCES

Bolgova I., Mel'nikova Yu., Lisyakevich R. (2022) Formirovanie kitaiskogo napravleniia politiki ES: rol' stran Central'noy I i Vostochnoy Evropy. [The shaping of Chinese track of EU policy: the role of countries of Central and Eastern Europe], *World Economy and International Relations*, no. 6 (66), pp. 79–90. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-6-79-90 (in Russian).

Dębiec K., Jakóbowski J. (2018) Chinese investments in the Czech Republic: changing the expansion model, *Centre for Eastern Studies (OSW)*, 06.06. URL: https://www.osw.waw.pl/en/publikacje/analyses/2018-06-06/chinese-investments-czech-republic-changing-expansion-model-0 (accessed: 18.07.2022)

Garlick J. (2019) China's principal–agent problem in the Czech Republic: the curious case of CEFC, *Asia Europe Journal,* no. 17, pp. 437–451. DOI: 10.1007/s10308-019-00565-z

Karásková I., Bachulaska A., Kelemen B., Matura T., Šebok F., Šimalčík M. (2020) *China's Sticks and Carrots in Central Europe: The Logic and Power of Chinese Influence*, Association for International Affairs (AMO), Prague, Czech Republic.

Kitai i Vostochnaya Evropa: zvenya novogo Shelkovogo shelkovogo puti. [China and Eastern Europe: the links of new Silk Way] (2016) IMEMO, Moscow, Russia. DOI: 10.20542/978-5-9535-0485-0. (in Russian).

Kratz A., Huotari M., Hanemann T., Arcesati R. (2019) *Chinese FDI in Europe: 2019. Update*. A report by Rhodium Group (RHG) and the Mercator Institute for China Studies (MERICS), Mercator Institute for China Studies, Berlin, Germany.

Luk'ianov F. (2022) Neozhidanniy indicator peremen. [An unexpected indicator of change], *Russia in Global Affairs*, no. 4 (20), pp. 5–8. (in Russian).

Nosov M.G. (2018) ES i Kitai: torgovlya ili strategiya. [EU and China: trade or strategy.], *Sovremennaya Evropa*, no. 6 (85), pp. 5–18. DOI: 10.15211/soveurope620180517 (in Russian).

Pepermans A. (2018) China's 16+1 and Belt and Road Initiative in Central and Eastern Europe: economic and political influence at a cheap price, *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*, no. 26, pp. 181–203. DOI: 10.1080/25739638.2018.1515862

Scherbakova Yu. (2015) Problemy evropeyskoy bezopasnosti: vzgliad iz Pragi. [The Problems of European Integration: insight from Prague], *Sovremennaya Evropa*, no. 6, pp. 114–121. DOI: 10.15211/soveurope62015114121 (in Russian).

Semenov A. (2019) Koncepciia "obschego buduschego chelovechestva" vo vneshnepoliticheskoy strategii Kitaia. [The concept of "common future of humanity" in foreign affairs strategy of China], *World Economy and International Relations*, no. 8 (63), pp. 72–81. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-72-81 (in Russian).

Shishelina L. (2016) Chetyre predsedatel'stva v Sovete ES i formirovanie vneshnej politiki Vishegradskoj gruppy [Four presidencies of the EU Council and foreign policy of V4], *Sovremennaja Evropa*, no. 6, pp. 20–31. DOI: 10.15211/soveurope620162031 (in Russian).

Shishelina L. (2019) Central'naja Evropa v strategii Kitaja [Central Europe in the Strategy of China], *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*, no. 2, pp. 131–137. DOI: 10.15211/vestnikieran22019131137 (in Russian).

Tcvyk A., Sorokina I. (2019) Politika KNR v stranach Chentral'noy i Vostochnoy Evropy. [Chinese policy in Central and Eastern Europe.], *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 4, pp. 18–31. DOI: 10.31857/S013128120006092-2 (in Russian).

Zadorozhniuk E. (2021) Vaclav Havel: kontury izmenchivogo mirovozzreniia. (K 85-letiyu so dnya rozhdeniia) [Václav Havel: the oulines of changing world view. (85-years anniversary)], *Slavyanovedenie,* no. 1, pp. 16–28. DOI: 10.31857/S0869544X0012782-3 (in Russian).